

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО – КАКУЮ МОДЕЛЬ СВЕТСКОСТИ ВЫБРАТЬ КАЗАХСТАНУ?

Г. Жусипбек

В последнее время в нашей стране часто поднимаются темы, так или иначе имеющие отношение к религии, взаимоотношению государства и религии. Конечно же, не существует легких ответов на эти вопросы, но и не стоит всё усложнять, так как подобного рода темы поднималась в недавнем прошлом во многих странах и они были в большей степени успешно решены. Следовательно, и нам следует посмотреть на опыт этих стран. Нам представляется, что наша страна может решить вопросы, касающиеся взаимоотношения государства и религии, не нарушая светских основ своей государственности и не нарушая конституционных прав верующих людей на свободу вероисповедания, приняв и адаптировав «мягкую» модель светскости, т.е. «мягкую» модель светского государства.

Две категории моделей светскости: «жесткая» и «мягкая»

В настоящее время существует довольно много моделей светскости (моделей светского государства), но в этой статье мы не будем рассматривать страны с про-коммунистической или тоталитарной ориентацией (такие как Северная Корея или Куба), а рассмотрим только демократические или как минимум про-демократические капиталистические страны. Модели светскости в этих странах можно условно сгруппировать под две категории, т.е. выделить две модели светского государства. Первая – это модель «жесткой» («французская» модель) светскости, а вторая – это модель «мягкой» («англо-саксонская» модель) светскости.

Следует признать, что во многих странах, как среди интеллигенции, так и в среде простого населения, Франция воспринимается этакой моделью подражания, в частности, эта страна рассматривается как образец, модель развитого, демократического и светского государства. Но не многие знают, что так называемая французская модель светскости (точнее «лаицизм») является всего лишь одной из моделей, к тому же эта модель предстает довольно проблематичной, даже отсталой, если брать современные правовые стандарты и реалии XXI-ого века [1].

Прежде всего, следует сделать терминологические уточнения, существует значительные различия между «лаицизмом» (поборником которого является Франция) и просто светскостью, хотя французский лаицизм, довольно часто называют «французской моделью светскости» (модель жест-

кой светскости). Лаицизм можно трактовать как узкое понимание светскости. Лаицизм преследует цель систематичного «выдворения» религии из общественной сферы государства и предполагает, что религиозные убеждения граждан являются исключительно их частным делом, их место — только в частной сфере, а никак не в публичной. Выражаясь иначе, французская модель «жесткой светскости» крайне негативно относится к публичному проявлению культурных и религиозных различий. Одним словом, Франция проповедует модель бескомпромиссного, жесткого принципа отделения религии от государства и тем самым превращает религию в исключительно частное дело граждан [2].

Опыт лаицизма Франции в определенной степени идентичен опыту большевистской России, ибо в обоих государствах революции привели к радикальной смене политического строя и последующим гонениям, систематическим репрессиям против религии.

Число стран последовательниц «французской светскости» с каждым годом неуклонно уменьшается, например Турция в результате политических и правовых реформ, последних 10-и лет планомерно отходит от принципов «французского лаицизма» и можно сказать, что этот процесс в большей степени успешно завершился. Тунис в результате народной революции на рубеже 2010- 2011-го годов сменил политический режим, следовавший «французской модели светскости».

Модель «жесткой светскости» резко контрастируют с моделью «мягкой светскости» (англо-саксонской моделью), которая базируется на веротерпимости и признании «каждого таким, какой он/она есть». Также в «мягкой» модели светскости вынесение признаков конфессиональной принадлежности граждан в публичную сферу, взаимодействие государства и религии в общественной жизни (например, в сфере образования, здравоохранения и т.п.) считается вполне естественным, более того, закономерным [3].

Источником различий восприятия светскости во Франции с другими западно-европейскими странами является различие в их политических культурах. Если почти все западно-европейские страны, США, Канада проявляют толерантность к культурному многообразию, то Франция придерживается идеологии безусловной приверженности идеалам Республики, провозглашенной революцией, которое на практике проявляется колоссальным ассимиляционистским давлением на мигрантов [4], тенденцией к отторжению и отчуждению всех «инаковых» и следованию «жесткой» модели светскости. Уместно будет вспомнить имевшие место в начале 2000-х годов массовые волнения иммигрантской молодежи, оказавшейся «отчужденной» французской государственной политикой.

Хотя в Великобритании и существует официальная церковь и отсутствует формальное отделение церкви от государства (!), её и США, всё же, можно

представить в качестве главных представителях толерантной, мягкой (англо-саксонской) модели светскости. И в Великобритании, и в США функционирует множество поддерживаемых, более того, спонсируемых властями этих государств общественных организаций, основание которых во Франции было бы трудно себе представить. Важно заметить, что Великобритания и США являются мультиконфессиональными государствами, к тому же Германия, и Нидерланды также склонны к «мультикультурализму». Поэтому в Великобритании можно встретить немало политиков из числа меньшинств, что резко контрастирует с Францией, на британском телевидении от четверти до трети ведущих программ символизируют культурное разнообразие современной Великобритании. Похожую картину можно увидеть на американских и канадских телеканалах [5].

В отличие от Франции, большинству западно-европейских стран, также США и Канаде присуща традиция жизненно-стилевого и идеологического плорализма, т.е. во-первых, никак не преследуется цель культурного, цивилизационного «единства», во-вторых, публичная сфера, общественная жизнь этих стран открыта к проявлению религиозных, культурных и иных идентичностей. Поэтому во всех западно-европейских странах (за исключением Франции), а также в США, Канаде ношение «религиозных символов» в публичных местах не считается предосудительным, тем более, оно не рассматривается как предмет специальной регуляции на государственном уровне.

Несмотря на волну исламофобии после терактов в Европе, большинству европейцев было непонятно, почему Франция в 2004 году приняла на законодательном уровне запрет на ношение религиозных символов, одежды и другой атрибутики, указывающей на религиозную принадлежность в публичных школах, т.е. школах финансируемых государством [6]. Но данный запрет не распространялся на высшие учебные заведения и на частные средние. Вообще, следует особо подчеркнуть, ни в одной из европейских стран одежда и иная атрибутика, указывающая на религиозную принадлежность (например, мусульманские «хиджабы» или иудейские «киппы») не запрещены в высших учебных заведениях, даже во Франции.

В Великобритании можно встретить сикхов адвокатов, судей, полицейских, которые носят тюрбаны, также женщин: -полицейских, - таможенников или - военнослужащих, одевающих мусульманские хиджабы. В Канаде сикхам-мотоцилистам законом допускается не надевать шлем, так как его ношение нарушает их религиозные убеждения (!). В недавнем прошлом, в Великобритании, адвокатом женщины, носящей паранджу, была супруга премьер-министра страны (!).

Также в большинстве развитых западных стран, **государство способствует созданию условий для удовлетворения нужд верующих в совер-**

шении их религиозных обрядов. Поэтому, не говоря об аэропортах, вокзалах, во многих компаниях, государственных учреждениях, университетах существуют специальные «молебные» комнаты (их иногда называют «комнатами медитирования»), где верующие могут совершить свои ежедневные и еженедельные религиозные обряды. Для иудеев, мусульман, кришнаитов и др. готовят специальные меню (соответственно кошерные, «халяль», вегетарианские) в детских садах, учебных заведениях, университетах, армии, офисах компаний, государственных учреждениях и т.д.

Подобная практика в отношении прав верующих, наблюдаемая в Великобритании, США, Канаде, Германии и других развитых странах (кроме Франции) считается закономерным результатом претворения в жизнь одного из фундаментальных прав и свобод человека – свободы совести и вероисповедания.

Факторы выбора оптимальной модели светскости для Казахстана

Безусловно, что как независимое государство Казахстан должен искать свою собственную модель взаимоотношений между государством и религией. Но по нашему представлению, для Казахстана следование модели, ориентированной на подавление этнокультурной неоднородности общества, а также следование модели «жесткой светскости», ориентированной на неприятие проявлений религиозных чувств в общественной сфере, было бы неприемлемым. Это является очевидным, если иметь в виду нижеследующие факторы.

Во-первых, в последние годы, особенно в общественном сознании развитых стран произошел характерный сдвиг, т.е. приоритет государства перед индивидом уступил место приоритету индивида. **Условием легитимности государства считается его способность гарантировать соблюдение прав и свобод его граждан. Именно «мягкая модель светскости» в отношении соблюдения основных прав и свобод человека, особенно права на свободу совести и права на свободу вероисповедания, представляется наиболее оптимальной, нежели «жесткая модель светскости».**

Во-вторых, мы живем в XXI-м веке, в эпоху сильного влияния постмодерна, тогда как, XXI-й век был, напротив, веком воинствующего «модернизма», который признавал только определенное «свое» верным, а остальное неверным. Поэтому «модернизм» крушил под знаменами большевизма, атеизма, фашизма, нацизма, сталинизма, маосизма, насеризма, саддамизма т.п. «всех себе не похожих», всех «инаковых». Но современная тенденция в мире – это либерализация общественного сознания и политики, развитие культурной диверсификации. И членство в нации, согласно такому восприятию, не предполагает только одной культурной идентичности, их следует быть несколько [7].

В-третьих, следует правильно толковать понятие «светскость». Свет-

скость не является чем-то анти-религиозным, не выражает концепцию борьбы с религией и религиозностью или как минимум не выражает концепцию отчуждения религии. Даже в самой Франции можно увидеть некоторые отхождения от «жесткой» модели светскости. Например, во Франции государство и коммуны берут на себя все затраты по реставрации и содержанию огромного недвижимого культового имущества католической церкви, многие католические клиники финансируются государством, католические средние и высшие учебные заведения почти наполовину финансируются государством [8].

Таким образом, согласно нашему мнению, для внешней и внутренней политики нашего государства, проводимой под мудрым и дальновидным руководством Первого президента Н.Назарбаева, на принципах много-векторности, толерантности и приятии каждого таким, какой он/она есть, более соответствует именно гибкая модель «мягкой» светскости.

По нашему мнению, одна из проблем пост-советского общества кроется в том, что мы еще по-настоящему не привыкли к культурному многообразию, к жизни в плюраллистическом обществе. Мы можем жить в многонациональном обществе, в многонациональной стране, но мы еще несем в себе остатки тоталитарной системы, или же, выражаясь более специфическим термином, несем в себе заряд «модернизма» XX-ого века, который признает только один «верный», только один «правильный» тип мышления, и только один «правильный» образ жизни. По этой причине, нередко нам становится не по себе, когда мы встречаем людей, ведущих иной образ жизни (например, тех, кто не ест мясо, или не смотрит телевизор), иначе выглядящих или носящих не-привычную нам одежду (например, людей с «пирсингами», одевающих сари, хиджабы, длинные юбки, или тюрбаны, мужчин, отращивающих волосы или отпускающих бороду).

В XXI-м веке государство не должно бояться нового контекста светскости, который отвечает требованиям соблюдения и защиты прав и свобод человека. Подобно большинству развитых стран, следующим «мягкой» модели светскости, государство должно раскрыть поле деятельности для полного воплощения гражданских инициатив граждан, вытекающих из их религиозных побуждений и чаяний. Выражаясь иначе, государство не должно бояться выражения своими гражданами религиозных чувств, в частности, предприятий ими общественно полезных действий, вытекающих из и подпитываемых их религиозными чувствами. С другой стороны, не стоит забывать и о том, что в последние десятилетия во всем мире наблюдается процесс религиозного возрождения и возвращение трансцендентного (т.е. божественного, сакрального). Однако следует правильно оценивать процесс религиозного возрождения, и не стоит драматизировать его, так как процесс религиозного возрождения вполне нормальное явление, которого не стоит бояться, ведь религия представляет собой неотъемлемую часть человеческого бытия, морали, общече-

ловеческой культуры, и истории. Секуляризация общества и де-сакрализация духовной жизни имевшие место в двадцатом веке, привели человечество к такому духовному вакууму, что сам секуляризм, несший по всему миру флаг «рационализма и отхода от суеверного», со временем стал рассматриваться как нечто нерациональное, что и имело результатом возвращение людей к трансцендентному, к религиозным истокам и поиску смысла жизни [9].

Важность правильного понимания религий

Религии, особенно монотеистические, следует рассматривать только в свете их собственных контекстов, в свете форм мышления и концептов, присущих их учениям. Это необходимо, чтобы понять, к примеру, отказ буддистов, кришнаитов или мусульман употреблять «запретную пищу и напитки», нежелание практикующих мусульман и христиан давать или брать деньги под проценты, желание женщин-мусульманок одевать хиджаб и многое другое. Только в этом случае можно понять, что никто насильно не заставляет верующих следовать религиозным предписаниям, что это является результатом их внутреннего духовного поиска и что запреты в отношении религиозных принципов могут быть квалифицированы во-первых как нарушение одного из фундаментальных прав человека – права на свободу вероисповедания и совести, во-вторых, как дискриминация по религиозному или гендерному признаку (например, что интересно, на защиту женщин-мусульманок в хиджабах довольно часто встают феминистские организации).

Если рассматривать религии согласно их собственному (а не секулярному и позитивистскому) контексту, то можно увидеть, что вера не является просто частным проявлением чувств индивидуума, не вытекающим за пределы сугубо частной жизни, а наоборот религии, и в первую очередь, монотеистические (иудаизм, христианство и ислам), имеют довольно обширный спектр влияния на общественную жизнь. Выражаясь иначе, религия не концентрируется только на молитвах, медитациях или некоторых индивидуальных видах богослужения, она оказывает где-то прямое, а где-то опосредованное влияние на общественную, правовую жизнь человека. Выражаясь иначе, религия это не только молитвы, медитации, или некоторые индивидуальные виды богослужения, но и где-то прямое, а где-то опосредованное участие в общественной и правовой жизни человека. Поэтому ограничивать религию одной лишь личной жизнью было бы неверным толкованием, оторванным от внутреннего контекста религии и не видящим его целостность.

Религиозные источники призывают верующих быть общностью, быть в коллективе верующих, предпринимать гражданские инициативы, побужденные чувством нисхождения божьей милости, с целью облагораживания окружающего мира, в частности, проявлять благотворительность, личностный и

коллективный альтруизм. И эти постулаты являются неотъемлемой частью осознанно проводимой религиозной жизни. Более того, если мы не будем игнорировать глубокую природу человека, то заметим, что ей несвойственно отделять личное от общественного. И те государства, которые в рамках мягких (гибких) моделей светскости имеют возможность воспользоваться этой особенностью религий с целью достижения всеобщего блага, ничего не теряют от своей светскости, даже, наоборот, они получают очень мощный, более того, почти нескончаемый внутренний ресурс развития. Достаточно напомнить, что ведущие ВУЗы Запада, например Гарвард, Джорджтаун, Кембридж, Оксфорд, лучшие клиники, основаны христианскими религиозными общинами. Лучшие учебные заведения и клиники Турции также основаны мусульманскими общинами и т.д.

Насколько уместны страхи относительно политизации Ислама?

Много споров идет на тему политизации религии, в частности опасности политизации Ислама, т.е. выражаются опасения того, что, якобы, «если дать свободу религии, то завтра клерикалы захватят власть». Но необходимо уметь различать стереотипы и реальность. Согласно верному кораническому и пророческому духу понимания Ислама, (коим является понимание Ахлю-Сунны, приверженцами которого на протяжении веков являются мусульманские народы нашей страны) воспитание идеальной личности с божественной моралью, и посредством этого формирование идеального общества имеет первостепенное значение, нежели политика или система управления. Т.е. понимание Ахлю-Сунны характеризуется тем, что акцентируется внимание на духовном преображении отдельно взятой личности и общества, воспитании души и разума, духовном и мирском образовании. Таким образом, делается упор на поиск альтернативных, политическому, путей разрешения насущных проблем человека и общества, которые вытекают, прежде всего, из духовных проблем, духовного обнищания и дезориентации человека, а также общества. Свидетельством является то, что по ходу всей исламской истории почти все великие ученые Ахлю-Сунны руководствовались принципами, изложенными в следующих хадисах: «Каковы вы – таковы и ваши правители», «Если вы будете набожными и праведными, то и Всевышний сделает ваших руководителей мягкими к вам, изменит их в лучшую сторону», и не только не вмешивались в политику, а считали это большим заблуждением.

Более того, как отметил один исламский ученый современности, «99% вопросов и тем, охватываемых шариатом (прежде всего Священным Кораном и Сунной), касается основ веры, совершения поклонений, морали и личности человека, и только 1 % касается политики, но и об этом пусть позаботятся ваши руководители». Одним словом, согласно пониманию Ахлю-

Сунны (в отличие от доктрины иранского шиизма и идеологии маргинальной секты «хариджитов» и их современных последователей), служение Господу - превыше всякой политики, если было бы не так, то в Коране было бы сказано «стройте исламское государство» и Пророк Мухаммед (с.а.в.) оставил бы подобное завещание. Но ни в Священном Коране, ни в Сунне **не говорится об определенном типе государственного устройства, так называемом «исламском государстве», а говорится о качествах хороших и плохих руководителей, справедливости и других похожих темах.** Поэтому, как предупреждает Джон Эспозито, известный своими сбалансированными оценками, видеть везде фантом «фундаментализма», «рвущихся к власти радикалов или исламистов» является не чем иным, как « neo-ориентализмом », т.е. новой формой ориентализма. Под ориентализмом подразумевается не наука «востоковедение», а стиль идеологизированного мышления, стереотипичного подхода, оперирующего определенными собирательными и негативными шаблонами в отношении Ислама и мусульман, и в этом смысле (в контексте терминологии пост-колониальных исследований) «ориентализм» является собой процесс предвзятого и необъективного изучения, а в некоторых случаях открытого искажения культуры, истории и современного положения мусульманских народов и обществ [10]. Выражаясь иначе, «глубоко ошибочно утверждать, что идеи мыслителей и течений, превративших Ислам в своего рода «секулярную идеологию протеста» популярны повсеместно в исламском мире, и важно заметить, что самым большим заслоном против этого, как мы отметили выше, является верное кораническому и пророческому духу понимание Ислама – понимание Ахлю-Сунны. Однако, современные исследователи в силу определенных причин, как правило, не придают надлежащего внимания всему тому, что «аполитично», т.е. вне политики или выше политики, особенно если речь идет об Исламе [11].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в XXI-ом веке светскость не должна пониматься в качестве концепции отчуждения, «выдворения» религии из общественной сферы государства и заточения её в частную жизнь граждан. Наоборот, светскость в XXI-ом веке следует воспринимать в качестве концепции, открывающей пути для взаимодействия государства и религии ради достижения целей гармоничного развития человека, как отдельного индивида и как члена общества, а также всей страны. Светскость нужно понимать в свете уважения и защиты прав человека, среди которых одним из важнейших и неотъемлемых является право на свободу совести и вероисповедания. Государству не стоит бояться религиозности своих граждан, а использовать гражданские инициативы, побужденные религиозными чувствами альтруизма, благотворительности (которые никак не преследуют цели достижения личностных интересов) ради достижения всеобщего блага. Следовательно, согласно нашему мнению, не соответствующая нормам за-

щиты и соблюдения прав человека модель «жесткой» светскости не является лучшим образцом для внедрения ее в Казахстане, который на сегодняшний день является лидером Центрально-Азиатского региона. Для нашей страны эта модель - «вчерашний день». Казахстану для более гармоничного и устойчивого развития следует ориентироваться на «мягкую» модель светскости, имеющую в своей основе веротерпимость, приятие культурного и цивилизационного плюрализма, а также признающую влияние религии на общественную жизнь, следовательно, открывающую пути для взаимодействия государства и религии в общественной жизни с целью достижения устойчивого развития государства и блага всех граждан.

1. John Esposito, «Islam and Secularism in the Twenty-First Century», in Islam and Secularism in the Middle East, edited by John Esposito and Azzam Tamimi, New York University Press, 2001, стр. 1-12.
2. Ahmet T. Kuru, «Passive and Assertive Secularism: Historical Conditions, Ideological Struggles, and State Policies toward Religion», World Politics, Volume 59, Number 4, July 2007, стр. 569-572; John Esposito, там же.
3. Ahmet T. Kuru, «Passive and Assertive Secularism: Historical Conditions, Ideological Struggles, and State Policies toward Religion», World Politics, Volume 59, Number 4, July 2007, стр. 571-574.
4. Владимир Малахов, «Национальные государства перед лицом культурного плюрализма», Логос 2, (53), 2006, [http://www.ruthenia.ru/logos/number /53/06.pdf](http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/06.pdf), стр. 87-88.
5. Владимир Малахов, стр. 91.
6. Владимир Малахов, стр. 88- 89.
7. Владимир Малахов, стр. 91; См: W. Kymlicka, Multicultural Citizenship. A liberal Theory of Minority Rights. Cambridge, 1995.
8. Иеромонах Александр, «Французское понятие светскости: противоположность православной социальной концепции или образец для нее», Мы в России и зарубежье, Июль 2006, <http://portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=8753>.
9. Wolfhart Pannenberg, 'How to think about secularism', First Things, No 64, 1996, стр. 30-31.
10. См. Edward Said. Orientalism, Vintage Books, New York, 2003, стр.1-9; Ziauddin Sardar, Orientalism, Open University Press, 1999.
11. Kerim Balci, «Terör dinin yanlış yorumu değildir», [www.zaman.com.tr/yazar.
do?yazino=197744](http://www.zaman.com.tr/yazar/do?yazino=197744).

Жұсіпбек Ф.

Дін және мемлекет – Қазақстанның зайырлылықтың қай үлгісін тандағаны азбал?

Қазіргі уақытта дүние жүзіндегі зайырлылық үлгілерін шартты түрде екі үлкен топқа бөлуге болады. Біріншісі «қатты» болып саналатын, дінді қоғамдық өмір саласынан тыскары ұстауға тырысатын «франциялық» зайырлылық үлгісі болса, екінішсі «жұмсақ» болып саналатын, әрбір азаматқа ұстанатын діни наным сенімдеріне сәйкес жеке және қоғамдық өмір салаларында өмір сүруіне жағдай жасайтын және діндердің қоғамдық өмір саласына араласуына тосқауыл қоймайтын «англо саксондық» үлгісі. Жаһандық деңгейде болып жатқан үрдістерді, адам құқықтары мен бостандықтарын қорғаудағы соңғы жетістіктерді және еліміздің ішкі әрі сыртқы саясаттағы ұстанымдарды назарға ала отырып, Қазақстан үшін зайырлылықтың «жұмсақ» үлгісінің ең дұрыс тандау болатынын айта ала-мыз.

Zhussipbek G.

Religion and State – What Model of Secularism Should Kazakhstan Choose?

In contemporary world there are two main models of secularism, one is the French laicism model, which is ‘rigid’ and intends to isolate religion to private sphere, another model is the ‘soft’ Anglo-Saxon secularism model, which is ‘liberal’ and creates a free atmosphere for religious beliefs of all people both in private and public spheres. ‘Soft’ model is more suitable to freedom of religion and freedom of conscience. Taken into account the global processes, as well as Kazakhstan’s foreign and internal policy strategies, the ‘Soft’ anglo-Saxon model of secularism should be seen as the best choice for Kazakhstan.